

«ТЕХНОЧЕЛОВЕК» И ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ

Алексеева Ирина Юрьевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук
Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1
E-mail: ialexeev@inbox.ru

Тема «конца истории» рассматривается в философско-антропологическом и футурологическом контексте. Показывается несостоятельность представлений Ф. Фукуямы и его единомышленников о переходе в «постчеловеческое» состояние как единственной возможности освобождения из «постисторической» резервации. Принимаются во внимание дискуссии, связанные с перспективами конвергентного развития нано-, био-, инфо-, когнитивных и социогуманитарных наук и технологий (НБИКС-революция). Подчеркивается, что современная антропофутурологическая проблематика актуализирует ряд идей и соображений, выдвинутых без малого столетие назад представителями евгеники – направления, связывавшего перспективы совершенствования человека с использованием достижений биологии. Проводится реконструкция антропософских взглядов Н. К. Кольцова – выдающегося биолога и лидера русского евгенического движения. Существенное внимание уделено историческим основаниям проекта кибернетического бессмертия, предлагаемого российским философом Д. И. Дубровским. Автор статьи связывает исторические перспективы человеческого общества с перспективами технобиоэволюции человека. Считая неправомерным название «постчеловек» для результата такой эволюции, автор статьи обосновывает преимущества использования термина «техночеловек» в качестве синонима и обозначения новой стадии в развитии «человека технологизированного разумного», не перестающего быть “*homo-sapiens*”. При этом подчеркивается роль мировоззренческих ориентиров технологического прогресса.

Ключевые слова: философия истории, антропософия, конец истории, продолжение истории, постчеловек, техночеловек, НБИКС-революция, улучшение человека, евгеника, кибернетическое бессмертие

TECHNO-HUMAN AND CONTINUATION OF HISTORY

Alekseeva Irina Yu., D.Sc. (Philosophy), Leading Research Fellow
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
12, build. 1 Gonchamaya St., Moscow, 109240, Russian Federation
E-mail: ialexeev@inbox.ru

The paper treats the problem of the end of history in the context of philosophy of history and philosophical anthropology. The author opposes Fukuyama's conception that involves transition to a "post-human" state as the only possibility of release from the "post-historical" reservation. The author considers discussions concerning the prospects of converging sciences and technologies: nano- bio- info- cognitive social and Humanities-based (NBICS-revolution). It is emphasized that the anthropo- futurological issues of present days are relevant to ideas and reasons which are put forward almost a century ago by representatives of eugenics – the direction connecting the prospects of improvement of the human being on the ground of achievements of biology. Reconstruction of anthroposophic views of N.K. Koltsov – the outstanding biologist and the leader of the Russian eugenical movement is carried out. Essential attention is paid to the historical bases of the project of the cybernetic immortality offered by the Russian philosopher D.I. Dubrovsky. The author of the paper connects historical prospects of human society with prospects of a techno-bio-evolution of humans. The author considers the world "post-human" as inappropriate for result of such evolution and proves advantages of use of the term "techno-humans" as a synonym and designation of the new stage in human development. World-outlook orientations of technological progress are of especially importance in this context.

Keywords: philosophy of history, anthroposophy, the end of history, continuation of history, post-human, techno-human, NBICS-revolution, human facilitation, eugenics, cybernetic immortality

«Всемирная история направляется с Востока на Запад, т.к. Европа есть, безусловно конец всемирной истории», – читаем мы в гегелевских «Лекциях по философии истории» [4, с. 62]. Немецкий философ, творивший в первые десятилетия XIX в., трактовал всемирную историю как «прогресс в сознании свободы», завершающийся в «германском духе». Опорой последнего должно было служить монархическое государство, способное, по Гегелю, осуществить свободу для всех и противопоставляемое как деспотии (дающей свободу лишь одному), так и демократии с аристократией (предоставляющим свободу лишь некоторым). «Германский дух, – утверждал Гегель, – есть дух нового мира, цель которого заключается в осуществлении

абсолютной истины как бесконечного самоопределения свободы, той свободы, содержанием которой является сама ее абсолютная форма» [4, с. 200].

На рубеже XX и XXI вв. тема конца истории приобрела широкое политико-философское звучание в связи с отказом СССР от коммунистического (марксистско-ленинского) проекта и триумфом принципов государственного устройства, воплощенных в «североатлантическом мире». Большую известность получили публикации Ф. Фукуямы, провозгласившего концом истории не монархию, как это было у Гегеля, а «либеральную демократию», предполагающую регулярные, свободные, многопартийные выборы. Впрочем, экзотическая трактовка Гегеля Фукуямой позволила последнему отождествить гегелевский идеал конституционной монархии с собственными представлениями о «либеральной демократии». В конце 80-х годов XX века Фукуяма объявлял США, страны Западной Европы и Японию находящимися в «постистории», а прочие страны, включая Советский Союз и Китай – движущимися к такому состоянию. «Постисторическое сознание, представленное «новым мышлением», – единственно возможное будущее для Советского Союза», – утверждал этот автор [11, с. 154]. Следует подчеркнуть, что конец истории в указанном смысле предполагает не Гегелево «бесконечное самоопределение свободы», а отказ от высоких целей, двигавших людьми на протяжении тысячелетий. «Конец истории печален, – писал Фукуяма. – Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отдачи, воображения и идеализма, – вместо этого – экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории» [11, с. 155]. Тем не менее, «постисторическое» состояние является для данного автора и его единомышленников ценностью, которую следует защищать перед лицом вызовов, самым серьезным из которых считается грядущее изменение человеческой природы в результате развития биотехнологий.

Восприятие Фукуямой перспектив биотехнологического развития в качестве основной угрозы «либеральной демократии» обусловлено тем обстоятельством, что именно «либеральную демократию» он считает общественным устройством, в наибольшей степени соответствующим природе человека и позволяющим осуществить естественные права. Закономерным образом, изменение природы человека видится, как способное привести к возникновению принципиально новых форм общества и опровергнуть тем самым тезис о завершении человеческой истории. Лингво-концептуальный выход из такой ситуации состоит в том, чтобы считать человечество, выходящее из «постистории», не человечеством как таковым, а «постчеловечеством». «Однако постчеловеческий мир, – пишет Ф. Фукуяма, – может оказаться куда более иерархичным и конкурентным, чем наш сегодняшний, а потому полным социальных конфликтов. Это может быть мир, где утрачено будет любое понятие «общечеловеческого», потому что мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что такое человек. ...Мы не обязаны принимать любое такое будущее ради фальшивого знамени свободы, будь то свобода ничем не ограниченного размножения или свобода беспрепятственного научного исследования» [12, с. 347]. В таких условиях задача «либеральной демократии» представляется как регулирование технологического прогресса с использованием имеющихся институтов, включая организацию соответствующих комитетов и комиссий.

Мы же, в отличие от Фукуямы и его последователей, считаем одной из важнейших человеческих ценностей свободу не только политико-философской, но и антропософской мысли и полагаем неправомерным стремление поместить человечество в «постисторическую», «либерально-демократическую» резервацию и удерживать в последней. Человеческое будущее за пределами «постистории» мы видим как будущее человека технологизированного разумного – «техночеловека», принципиально отличного от «постчеловека». Более того, утверждаем, что пребывание в «либерально-демократической постистории» вовсе не является необходимым этапом в достижении антропотехнологической стадии.

Примечательно, что современная антропофутурологическая проблематика актуализирует ряд идей и соображений, выдвинутых без малого столетие назад представителями евгеники – направления, связывавшего перспективы совершенствования человека с использованием достижений биологии. Несмотря на то, что успехи биологии 20-х гг. прошлого века несопоставимы с имеющимися сегодня, именно в тот период были достаточно внятно сформулированы ключевые вопросы, касающиеся ценностных основ стратегий улучшения человека естественными средствами и опасностей усиления биологического неравенства людей. Показа-

тельны в данном отношении взгляды Николая Константиновича Кольцова – выдающегося биолога и лидера русского евгенического движения.

«Власть марсиан» и улучшение человека. Понимая евгенику в широком смысле как «науку о благородстве человека», что соответствует происхождению слова «евгеника» от греческих «эв» (благой) и «генос» (род), Н.К. Кольцов рассматривал биологическую составляющую облагораживания человека в широком контексте многовековой истории усилий по усовершенствованию человека, предпринимавшихся философами и религиозными деятелями, людьми искусства и общественными реформаторами [9, с. 3]. Этот контекст включает и заповеди новой морали, провозглашенные ветхозаветными пророками, и высокие идеалы первых христиан, и древнегреческий культ красоты, и творчество гениев Возрождения, и начертанные на знаменах Великой французской революции идеи свободы, равенства и братства, и готовность борцов новейших революций к жертвам во имя нового, лучшего человека будущего.

Вместе с тем, Кольцов подчеркивал принципиальную новизну евгенического подхода к проблеме улучшения человека – прежде всего, как подхода, обусловленного успехами биологической науки. Этот подход принимает во внимание результаты экспериментов на животных, а также способы наблюдений и технологии, используемые для улучшения пород животных и сортов растений. С этой точки зрения евгеника выглядит как наука об улучшении «человеческой породы» и называется также «антропотехнией». Нельзя не заметить, что биологически-«зоотехнологический» взгляд на проблему усовершенствования человека выглядел чужеродным элементом на фоне антропософских идей и учений, составивших золотой фонд мировой культуры. И это – один из важных факторов, обусловивших настороженное восприятие и даже отторжение евгеники интеллектуальной общественностью.

Следует подчеркнуть, однако, что Н. К. Кольцов отнюдь не стремился свести статус человека к статусу животного. Напротив, он писал об опасностях подобного сведения в действительных или воображаемых условиях. Вариант последнего рода представлен в мысленном эксперименте, который условно может быть назван «Власть марсиан».

Н. К. Кольцов допускает (в духе фантаста Г. Уэлса), что на Землю прибыли обитатели Марса, обладающие несравненно большими, чем у людей, знаниями и недоступной для землян техникой. Несомненное превосходство интеллектуально-технологических ресурсов вкупе с принципиально чуждым характером культуры позволяет марсианам сместить человека с пьедестала «царя природы» и отнести к нему так же, как человек относится к своим домашним животным. Прежде всего, марсиане стараются «одомашнить» человечество, а знание законов наследственности позволяет им быстро отделить тех, кто способен подчиняться и пригоден к использованию, от подлежащих истреблению непокорных. Крупные, крепкого телосложения производители, обладающие вместе с тем покорным нравом, начинают использоваться для разведения сильных физических работников. Из тех же, кто обладает «наследственной гибкостью и ловкостью членов», выводят искусных ремесленников и техников. Возможно, при наличии соответствующего интереса к музыке и искусствам, марсиане, владеющие знанием генетических формул, создадут особые породы музыкантов, художников, скульпторов и т.д.

В мысленном эксперименте Кольцова становится возможным и создание декоративных пород человека, и редких пород для изучения законов наследственности (например, шестипалых или людей, пораженных наследственными болезнями). «Были бы получены такие уродливые комбинации, которые в настоящее время рисуются только людям с пылким воображением, – писал Н. К. Кольцов. В течение какого-нибудь века вместо единого человечества было бы создано бесконечное число отдельных рас одомашненного человека, столь же резко отличающихся друг от друга, как мопс или болонка отличаются от дога или сенбернарской собаки» [9, с. 10]. Что представлялось весьма сомнительным автору мысленного эксперимента – так это перспектива сознания «породы ученых исследователей с большим мозгом». Марсиане, полагал евгеник, постереглись бы создавать себе конкурентов, предпочитая пользоваться собственным мозгом.

Подобный мысленный эксперимент, по замыслу Н. К. Кольцова, должен способствовать осознанию принципиальных преград для применения к человеку методов селекции. Прежде всего, утверждал генетик, свобода выбора супруга является «самой драгоценной свободой», от которой человек не может отказаться, а потому о передаче по наследству тех или иных качеств ученые могут судить лишь на основе наблюдений. Однако затруднительно установить сам факт генетического наследования, поскольку проявление способностей зависит от условий жизни и воспитания людей. Например, существование музыкальных династий может быть объяснено тем, что дети музыкантов растут в музыкальной среде и с ранних лет обучаются

музыке, в то время как не меньшие или даже большие дарования других детей не могут раскрыться из-за отсутствия благоприятных условий.

Исследователи философско-методологических аспектов евгеники обращают внимание на то обстоятельство, что представители русского евгенического движения, в отличие от западноевропейских и североамериканских коллег, не формулировали антигуманных рекомендаций из ряда тех, что были впоследствии претворены в жизнь в нацистской Германии. Ю. В. Хен объясняет данную особенность общими гуманистическими нормами и ценностями интеллигентского этоса, распространявшимися на российских ученых [13, с. 77]. Русский интеллигент, при всех его недостатках, не мог оторвать себя от общности людей и присоединиться к «марсианам» из рассмотренного выше примера.

Н. К. Кольцов подчеркивал, что понимание целей «евгенического отбора» находится за пределами собственно науки и определяется нравственным идеалом ученого. Эти цели связаны с решением вопроса «что есть добро и что есть зло?», который выводит нас в область философских рассуждений, допускающих разные ходы мысли. Собственно же определение евгенических идеалов есть дело «евгенической религии», дополняющей евгеническую науку. В рамках такой религии русский генетик создает образ будущего человека – “*homosapientior*”, “*homosapientissimus*”, “*homocreator*”, сверхчеловека, действительного царя природы, починяющего ее себе силой собственного разума. «Конечно, будущий человек не должен быть развит слишком односторонне, – писал Н. К. Кольцов. – Он должен также быть снабжен и здоровыми инстинктами, сильной волей, врожденным стремлением жить, любить и работать, должен быть физически здоров и гармонично наделен всем тем, что делает его организм жизнеспособным... И если при этом он не всегда будет чувствовать себя счастливым, будет порою страдать от ненасытимой жажды все новых и новых достижений, все же, я полагаю, эти страдания святого недовольства – невысокая цена за ту мощь и за кипучую работу, которые выпадут на его долю» [9, с. 18].

Евгеника как интеллектуальное движение была скомпрометирована связью рекомендаций некоторых ее западных представителей с биополитикой Третьего рейха. Однако исследования и разработки, направленные на решение задач улучшения человека, зачастую вырастающих из задач лечения, ведутся в рамках разных наук о человеке (медицинская генетика, генетика человека, антропология, нейрофизиология, когнитивные науки и др.). «Дробление» евгенической проблематики связано с закономерными процессами специализации и дифференциации научного знания. Впрочем, сегодня все более очевидными становятся процессы конвергенции наук и технологий, дающие основания говорить о начинающейся НБИКС-революции [1, с. 6]. Аббревиатура «НБИКС» используется для обозначения конвергентного развития нано-, био-, информационных, когнитивных, а также социогуманитарных наук и технологий. С НБИКС-конвергенцией связывают надежды на радикальное улучшение умственных, физических и социальных возможностей человека, создание мощных образовательных технологий и научных методологий, реализацию творческого потенциала людей [14, р. 97].

Реальные успехи наук и технологий дают импульс разнообразным футурологическим построениям. Примечательно, что в современной российской футурологии мы встречаем образ человека будущего, сходный с тем, что создавался много лет назад русскими евгениками. Речь идет о «сверхчеловеке сильном и добром, чувствующем ответственность за человечество», «защитнике слабых», о «творце, а не добывателе трофеев» [7, с. 18].

Мы полагаем, что такие названия как «сверхчеловек» и «постчеловек» не только не вполне соответствуют реальным процессам и перспективам технобиоэволюции человека, но и задают весьма сомнительные мировоззренческие ориентиры. В ранее опубликованных работах мы предложили название «*техночеловек*» как синоним и обозначение новой стадии эволюции «*человека технологизированного разумного*», полагая, что такое название лучше характеризует существующую направленность движения и не предполагает отказа человека от человеческого статуса [2, с. 21]. В этом контексте заслуживает внимания позиция М. Кожевниковой. «Природа человека, – пишет эта исследовательница, – изменчива и раскрывается лишь по отношению к чему-то или кому-то Другому (как любая форма «мы» в отличие от «они») ...Вероятно, то, что ждет нас в ближайшем будущем вместе с развитием биотехнологий, является не концом человечества, а лишь новым этапом нашего развития, к которому стоит тщательно подготовиться» [8, с. 138]. Так или иначе, процессы все более тесного «срастания» человека с технологиями открывают новый спектр антропософской проблематики.

«Не будет преувеличением сказать, – писал Н. А. Бердяев, – что вопрос о технике стал вопросом о судьбе человека и судьбе культуры. В век маловерия, в век ослабления не только ста-

рой религиозной веры, но и гуманистической веры XIX века единственной сильной верой современного цивилизованного человека остается вера в технику, в ее мощь и ее бесконечное развитие. Техника есть последняя любовь человека, и он готов изменить свой образ под влиянием предмета своей любви» [3, с. 3]. Сегодня одним из проявлений подобной решимости человека изменить собственный образ стали проекты так называемого кибернетического бессмертия. Показательны в этом отношении взгляды известного российского философа Д. И. Дубровского.

2. Кибернетическое бессмертие как путь к спасению цивилизации. Речь в данном случае идет не о «бессмертии в виртуальном мире» как уже существующей практике сохранения информации о человеке в свободном сетевом доступе после смерти этого человека в «реале» [10, с. 138], а о создании «кибернетического тела» как более совершенной замены тела биологического.

«История показывает, – пишет Д. И. Дубровский, – что проекты улучшения общественно-устройства всегда упирались в проблему изменения природы человека. Самой грандиозной попыткой такого рода в истории человечества был коммунистический проект в СССР. Он потерпел крах в силу того, что противоречил природе человека, ясно обнаружил «нехватку» альтруизма у массового человека, несостоятельность силовых мер и «коммунистического воспитания» для создания «нового человека» [6, с. 237]. Выход современной цивилизации из тупикового пути развития (ведущего к экологической катастрофе, войнам за ресурсы, социальным катаклизмам) автор видит в преобразовании природы человека. Речь идет о таком преобразовании, которое позволит не только преодолеть «неумное потребительство, агрессивность, эгоистическое своеволие» человека, но и «раздвинуть горизонты разума, ограниченного биологическим и земным способом его существования», достичь радикального продления жизни и кибернетического бессмертия. Это становится возможным благодаря конвергенции биотехнологий, с информационными, когнитивными и нанотехнологиями.

Избавление от негативных свойств природы человека могло бы быть связано с преобразованием генома человека, расшифровкой мозговых кодов психических явлений и т.д., однако этот путь чреват большими рисками и требует слишком длительного времени. Следует отметить, что Д. И. Дубровский исходит из предсказаний футурологов о достижении к середине нынешнего столетия «точки сингулярности» [15, р. 7], когда цивилизация, чтобы продолжить существование, вынуждена будет выйти на качественно новый уровень развития.

В таком контексте автору представляется привлекательной идея переноса жизни и разума на другой, «небиологический» носитель, а в качестве промежуточного этапа видятся «электронно-биологические» симбиозы (надеяться на это позволяют успехи в выращивании живых нейронов на электронной подложке, вживлению в мозг больных людей электронных чипов, позволяющих восстанавливать некоторые утраченные функции и т.д.). Этот путь, подчеркивает Д. И. Дубровский, «имеет то стратегическое преимущество, что гарантирует сохранение и развитие человеческого разума – ведь биологическая жизнь подвергается постоянным угрозам и может быть уничтожена в результате катаклизма, вызванного воздействием из космоса или физическими изменениями на самой Земле, а вместе с жизнью будет уничтожен и человеческий разум» [6, с. 243]. Автор подчеркивает, что усилия в этом направлении не препятствуют исследованиям биологических систем и разработке мер, направленных на поддержание условий сохранения жизни на Земле.

Не удивительно, что подобные рассуждения вызывают множество вопросов и возражений. Однако предпосылка, на которой они основаны – разочарование в предпринимавшихся на протяжении истории человечества попытках усовершенствовать социум – не лишена оснований. И возникновение в этих условиях таких форм технологического детерминизма как «биотехнологический» или «антропо-кибернетический» детерминизм вполне закономерно.

Идея «неочеловека» или «постчеловека», который должен возникнуть благодаря изменению биологии человека или замены биологического тела кибернетическим, встречает понятное и оправданное сопротивление, а поддержка трансгуманистического движения со стороны бизнеса дает повод говорить о заинтересованности глобального правящего класса в новых формах контроля над человечеством. Следует иметь в виду, что многие авторы видят глобальную угрозу и в самой НБИК-конвергенции, указывая на непредсказуемость последствий развития нанотехнологий. Так, В. Г. Горохов и М. Деккер справедливо подчеркивают, что развитие технологий вовсе не обязательно должно вести к преобразованию человеком своей собственной природы: «Вопрос заключается в том, что станет с личностью, как ее психика будет сочетаться с этой новой телесностью и не приведет ли эта корректировка «божественного замысла» к самоуничтожению человечества. Однако перспектива, возникающая в связи с вышесказанным, – не отказ от техники

вообще, от технического отношения к миру, без которого невозможно существование человеческой цивилизации, а поиск новых, более гуманных форм этого отношения» [5, с. 83].

Так или иначе, современная философия истории, стремящаяся не только осмыслить прошлое, но и «заглянуть» в будущее, не может игнорировать растущую роль технологий и их антропологические эффекты. Сказанное вовсе не требует не критичного отношения к «технологическим» концепциям, но предполагает их включение в поле зрения философии истории и философской антропологии, а также соответствующее их обсуждение.

Список литературы

1. Алексеева И. Ю. Информационное общество и НБИКС-революция / И. Ю. Алексеева, В. И. Аршинов. – Москва : ИФ РАН, 2016. – 196 с.
2. Алексеева И. Ю. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека / И. Ю. Алексеева, В. И. Аршинов, В. В. Чеклецов // Вопросы философии. – 2013. – № 3. – С. 12–21.
3. Бердяев Н. А. Человек и машина. (Проблема социологии и метафизики техники) / Н. А. Бердяев // Путь. – 1933. – № 38. – С. 3–38.
4. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории ; пер. А. М. Водена / Г. В. Ф. Гегель. – Санкт-Петербург : Наука, 2000. – 477 с.
5. Горохов В. Г. Технологические риски как социальная проблема при разработке и внедрении интеллектуальных автономных роботов / В. Г. Горохов, М. Декер // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. – Москва, 2013. – С. 82–93.
6. Дубровский Д. И. Природа человека, антропологический кризис и кибернетическое бессмертие / Д. И. Дубровский // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. – Москва, 2013. – С. 121–149.
7. Калашников М. Сверхчеловек говорит по-русски / М. Калашников, Р. Русов. – Москва : АСТ : Астрель, 2006. – 640 с.
8. Кожевникова М. Гибриды и химеры человека и животного: от мифологии к биотехнологии / М. Кожевникова. – Москва : ИФ РАН, 2017. – 151 с.
9. Кольцов Н. К. Улучшение человеческой породы / Н. К. Кольцов. – Петроград : Время, 1923. – 62 с.
10. Сколота З. Н. Феномен бессмертия в виртуальном мире / З. Н. Сколота, И. Ю. Алексеева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 3 (48). – С. 136–140.
11. Фукуяма Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134–155.
12. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции ; пер. с англ. М. Б. Левина / Ф. Фукуяма. – Москва : АСТ : ЛЮКС, 2004. – 349 с.
13. Хен Ю. В. Евгенический проект: “pro” и “contra” / Ю. В. Хен. – Москва : ИФ РАН, 2003. – 153 с.
14. Converging Technologies for Improving Human Performance. Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science. NSF/DOC-sponsored report. Ed. by M. Roco and W. Bainbridge. Dordrecht: Kluwer, 2003. – 482 p.
15. Kurzweil R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology / R. Kurzweil. – New York : Penguin, 2005. – 377 p.

References

1. Alekseeva I. YU., Arshinov V. I. Informacionnoeobshchestvo i NBICS-revoljucija. [Information society and NBICS revolution] M.: IF RAN, 2016. 196 p.
2. Alekseeva I. YU., Arshinov V. I., Chekolecov V. V. «Tehnolyudi» protiv «postlyudej»: NBICS-revoljucijaibudushchecheloveka [Techno-humans via post-humans. NBICS revolution and human future]. Voprosyfilosofii. [Philosophy questions]. 2013. No 3. pp. 12-21.
3. Berdyayev N. A. Chelovekimashina. (Problemasociologiiimetafizikitehniki) [Man and machine. Problem of sociology and metaphysics of technology]. Put'. [Way]. no 38. 1933. pp. 3-38.
4. Gegel' G. V. F. Lekcii po filosofiiistorii[Lectures on Philosophy of History] / Per. A. M. Vodena. SPb.: Nauka, 2000. 477 p.
5. Gorohov V.G., Deker M. Tekhnologicheskieriskikaksocial'nayaproblemaprirazrabotkeivnedreniintellektual'nyhavtonomnyhrobotov[Technological risks as social problem in development and use of autonomous robots]Global'noebudushchee 2045. Konvergentnyetehnologii (NBICS) itransgumanisticheskayaehvoljucija. [Global future 2045. Converging technologies and trans-human revolution] Moscow, 2013. pp. 82-93.
6. Dubrovskij D. I. Prirodacheloveka, antropologicheskijkrizisikiberneticheskoebessmertie [Human nature, anthropological crises and cybernetic immortality]Global'noebudushchee 2045. Konvergentnyetehnologii (NBICS) itransgumanisticheskayaehvoljucija. [Global future 2045. Converging technologies and trans-human revolution]. Moscow, 2013. S. 121-149.
7. Kalashnikov M., Rusov R. Sverhchelovekgovorit po-russki[Super-human speaks Russian]. Moscow: AST: Astrel', 2006. 640 p.

8. Kozhevnikova M. Gibridyihimerychelovekaizhivotnogo: otmifologii k biotekhnologii [Hybrids and Chimeras of Human and Animal: from Mythology to Biotechnology]. Moscow: Iph RAS, 151 p.
9. Kol'cov N. K. Uluchsheniechelovecheskojporody [Improvement of human race]. Pg.: Vremya, 1923. 62 p.
10. Skolota Z. N., Alekseeva I. YU. Fenomenbessmertiya v virtual'nom mire [The phenomenon of immortality in the virtual world]. Kaspiskij region: politika, ehkonomika, kul'tura [The Caspian Region: politics, economic, culture], no 3 (48). 2016. p. 136-140.
11. Fukuyama F. Konecistorii? [The end of history?]. Voprosyfilosofii [Philosophy questions]. 1990. No 3. pp. 134- 155.
12. Fukuyama F. Nashepostchelovecheskoebudushchee: Posledstviyabiotekhnologicheskorevolyucii[Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution]/ Per. s angl. M. B. Levina. Moscow: AST: LYUKS, 2004. 349 p.
13. Hen YU. V. Evgenicheskijproekt: "pro" i "contra" [Eugenics project. Pro et contra] Moscow: IF RAN, 2003. 153 p.
14. Converging Technologies for Improving Human Performance. Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science. NSF/DOC-sponsored report. Ed. by M. Roco and W.Bainbridge. Dordrecht: Kluwer, 2003.482 p.
15. Kurzweil R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology. N. Y.: Penguin, 2005.377 p.

**ВЕЛИКИЕ РУССКИЕ ИСТОРИКИ О ПРОБЛЕМЕ «РОССИЯ – ЕВРОПА»
(В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский)**

Мощелков Евгений Николаевич, доктор политических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27/4
E-mail: enm@inbox.ru

В сравнительном аспекте анализируются оценки интерпретации крупнейшими отечественными историками XVIII – начала XX в. – В. Н. Татищевым, Н. М. Карамзиным, В. О. Ключевским – злободневной и противоречивой проблемы соотношения России и Европы. Показана эволюция исторических исследований данной темы, специфика и методология историко-научного подхода к анализу проблемы «Россия – Европа», отличие этого подхода от философско-публицистических трактовок.

Ключевые слова: Россия, Европа, Татищев, Карамзин, Ключевский

**THE GREAT RUSSIAN HISTORIANS ABOUT THE PROBLEM «RUSSIA – EUROPE»
(V.N. Tatishchev, N.M. Karamzin, V.O. Kliuchevsky)**

Moshchelkov Evgeniy N., D.Sc. (Policy), Professor
Lomonosov Moscow State University
27/4 Lomonosovsky Ave., Moscow, 119234, Russian Federation
E-mail: enm@inbox.ru

The article analyzes the comparative aspects of the interpretation of the largest Russian historians of the XVIII – early XX centuries. V. N. Tatishchev, N. M. Karamzin, V. O. Klyuchevsky – a topical controversial problem of the relationship between Russia and Europe. The evolution of historical research on this topic, the specificity and methodology of the historical and scientific approach to the analysis of the problem of "Russia – Europe", the difference between this approach and philosophical and journalistic interpretations.

Keywords: Russia, Europe, Tatishchev, Karamzin, Klyuchevsky

Тема «Россия – Европа» является вечной темой научного и общественного дискурса как у нас в стране, так за рубежом. Периодически на протяжении уже нескольких веков интерес к этой теме то затухает, то опять обостряется с новой силой. Такой новый всплеск мы переживаем и в настоящее время. Причин много, но бесспорно, важная из них – это обострение межгосударственных отношений между Россией и объединенной Европой. Подталкиваемая США эта Европа в довольно грубой форме пошла на свертывание не только политических и дипломатических связей, но и на сокращение взаимовыгодного экономического и торгового сотрудничества. Как всегда на волне таких конфликтов рождается множество теорий и интерпретаций актуальной мировой политики, которые зачастую очень далеки от действительно научных трактовок происходящего.

В связи с этим представляется чрезвычайно интересным и важным посмотреть, как трактовали с научно-исторических позиций природу отношений России и Европы крупнейшие отечественные историки – В. Н. Татищев (1686–1750), Н. М. Карамзин (1766–1826) и